

Мануэлла

Гувернантка и герцог

УДК 82-3
ББК 84-4
М24

Мануэлла

М24 Гувернантка и герцог / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 88 с.

ISBN 978-5-521-99401-4

Уильям Герри, молодой, скромный, но подающий большие надежды секретарь герцога Сент-Джона, оказывается, имеет много секретов. И сэр Джон, брат герцога, берется выяснить, каких именно. Каково же его удивление, когда Уильям оказывается... Уиллоу. Девушкой, чья жизнь была разрушена мужчинами, которые в ней появлялись. В порыве жалости Джон предлагает девушке место гувернантки своей дочери. Но сам не замечает, как девушка прочно занимает место в его сердце.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99401-4

© Литнет, 2026
© Мануэлла, 2026

Семья, что может быть дороже?

Джон, ухватив малышку Линни, свою обожаемую племянницу, аккуратно подкидывал ее в воздух – по опыту с Милли, своей дочерью, он знал, что дети это обожают. Стоящие невдалеке Джастин и Элайна, герцог и герцогиня Сент-Джон, улыбались, глядя на то, как повизгивает от восторга их дочь. Их руки переплелись, голова Элайны покоилась на плече супруга.

Линни вскрикнула, увидев родителей. Она вырвалась из рук Джона и побежала к отцу:

– Папа, папа. А дядя Джон обещал подарить мне лошадку!

– Что же, если Джон что-то обещает, он это выполняет – ухмыльнулся Джастин, глядя на брата. Оба вспомнили, как Джон, угрожая Джастину, посмевавшему обидеть Элайну, когда та ещё была не его женой, а невестой самого Джона. Он обещал устроить ему кошмарную жизнь. К счастью, все закончилось более чем чудесно, и отношения братьев с тех пор стали гораздо лучше, да что там говорить – оба брата признали, что любят друг друга как родных. Хоть и были сводными.

– Жаль, что это у нас – не семейное – не остался в долгу Джон, намекая на прежнее непостоянство Джастина.

– Туше – со смехом поднял руки вверх Джастин. Элайна же тихо засмеялась.

– Пойдемте в дом, там Милли уже долгое время занимается с гувернанткой. Нужно спасти несчастную.

– Кого – подмигнул Джону Джастин – Милли или гувернантку?

Джон издал короткий стон, впрочем, улыбнувшись уколу брата – всем было известно, что ни одна гувернантка или няня не прижились у его строптивой дочери. Всех она сравнивала с ушедшей матерью, и сравните всегда оказывалось не в их пользу. Одну лишь Элайну Милли полюбила искренне, и теперь довольно часто спрашивала у отца, почему тетя Элайна не вышла за него.

Джастин обнял свою беременную жену, а Джон подхватил на руки Линни, и все вместе двинулись к дому...

Семья? Что? Может быть, дороже!

– Иди сюда, чертова девка, уж я тебе покажу, как не слушать отца – Уиллоу, забившись под стол, грязными ладошками закрыла уши, чтобы не слышать криков пьяного отца. Тот гнался за одной из ее сестер, Фридой.

Послышался удар, а потом – глухой стук. Словно упал тук с пшеницей. В Уайтчепеле, самом бедном районе городе, где судьба уголовила жить Уиллоу и ее семье, нередко торговали зерном прямо с телег, бросая мешки на землю. И маленькие дети словно представление наблюдали бойкую торговлю и переругивания продавцов с покупателями в попытках сторговаться.

Уиллоу, шмыгнув носом, испуганно выглянула из-под грязной клеёнки, что покрывала ее убежище. Фрида, не двигаясь, лежала на животе. Нога ее была неестественно выгнута, глаза со слезами смотрели на Уиллоу, словно умоляя ту не высовываться, молчать.

– Джаннет, чертова шлюха! – послышался бас отца вдалеке. Он искал мать. – где мое пойло?! Я хочу приходить домой с работы и знать, что мне есть чем промочить горло!

Работой отец называл те редкие вылазки в богатые районы, где они с напарниками делали легче кошельки богачей.

После удачной охоты, как отец называл ограбления, он приходил домой в хорошем настроении, иногда даже приносил подарки жене, детям – дешёвые украшения, вещицы. Уиллоу их хранила, клятвенно обещая вернуть хозяевам, как только вырастет. Уже тогда она понимала, что это – лишь самообман, но осознание того, что грязь Уайтчепела не оставила на ней своего отпечатка, что она может и будет жить по-другому, давали силы жить.

Сегодня у отца выдался неудачный день, его с подельниками чуть не сцапали Бобби, как называли полицейских на местном жаргоне. Отец пил в каморке с подельниками, такими же злыми сегодня, как и он сам.

– Ты прикинь, такой субтильный тип. Весь из себя, я ещё подумал – краля, чтоль. Достал ножичек, говорю – скидывай, что есть ценного.

А он как даст мне... аж искры из глаз сыпанулись, башка затрепала. Нож-то сам достал, в горло мне умер, сукин сын. И говорит – я, дескать, давно ищу вас. Банду вашу. Ты прикинь, Смит. Банду – не хрен собачий! – он толкнул подельника в плечо, тот, не ожидая подобного, облился пивом, что держал в руках. Остальные загостились. Начал смеяться и сам Смит.

– И ты ж прикинь, девкой оказалась! Я, грит, агентша. Эного, как его... запамятовал. Пинкертон! Джаннет, черт тебя дери! Я дождусь своего пива или нет?! – отец перед друзьями становился ещё грубее и агрессивнее, словно хотел утвердиться за счёт несчастных женщин, волею злого рока бывших его родными.

Мать, вошедшая с подносом в руках, шла как-то боком, часть ее лица была завешена волосами. Она поставила поднос с деревянными кружками на грязный стол, где валялись остатки рыбы и хлеба, испуганно косясь глазом на мужа. Тот удовлетворенно хмыкнул, шлепнув ее по заду и подмигнул товарищам:

– Совсем отошала моя старуха. И не греет меня – вот и приходится спускать всё у Молли (он намерено сделал акцент на слове « всё », что заставило его дружков разразиться громким смехом). Молли владела дешёвым борделем выше по улице, правда, поговаривали, что она неплохо зарабатывает, продавая в более богатые заведения девушек, а порой – и девочек. Правда, никто точно этого не видел, но дыма без огня не бывает, считали люди. Да и в бедных районах было не редкостью, когда семьи сами с радостью продавали своих детей, чтобы избавиться от лишнего голодного рта. Называлось это красиво – отдать в услужение. Что же на самом деле творилось с несчастными...

– Дааа – грустно протянул Финч, непризнанный помощник главаря банды, отца Уиллоу – энта Молли зашибает – будь здоров. Нам

за месяц столько не хапануть. Дерёт за девок своих... – он расстроенно махнул рукой, словно бы выражая свое возмущение тем, что не мог навещать Молли чаще, чем три раза в месяц.

Отец задумчиво уставился в кружку, взбалтывая мутное пиво. Уиллоу знала – такой взгляд означал, что у него появился план «разбогатеть». Всю свою жизнь его домочадцы страдали от этих безумных планов. Вот и сейчас он оглядел маленькую комнатку в доме, где жил с семьёй, выискивая взглядом дочерей. Их, кроме Уиллоу, было три. Агнесса, Молли и Фрида. Самой старшей, Агнессе, было 13, Молли – 10, Фриде – 8. Уиллоу же было 7.

И тут отец громко стукнул кулаком по столу:

– А я чем хуже?! Одни бабы дома, тьфу (все его дружки испуганно воззрились на него. Все знали больное место Френка – он ужасно стыдился того, что оказался «не мужиком»- по местным понятиям настоящий мужчина обязан был «родить сына») – Ничего. Сейчас будут мне деньги зашибать.

С этими словами Френк встал, и, пошатываясь, нетрезвой походкой направился в маленькую каморку, где перепуганные девочки утешали рыдающую Фриду. Он вытащил за руку упирающуюся Агнессу, и, развернув ее к дружкам, завопил, держа перепуганную девочку за руку:

– Вот оно, золото Френка Герри! Вот, что принесет мне прибыль! Хороша, парни?

Пьяные дружки его заулюлюкали, отпуская непристойные шуточки. Лицо Агнессы сделалось пунцовым. Она стояла, не в силах поднять взгляд от пола, дрожа под похотливыми взглядами пьяных мужчин.

Отец резко дёрнул ее за руку:

– Иди, вымойся, девочка. Сегодня мы с тобой кое-кого навестим.

И толкнул Агнессу вперёд. Повернувшись к дружкам, он оскалился в хищной усмешке. И тут же пошатнулся – сзади на него налетела жена. Казалось, эта слабая, хрупкая женщина, давно уже жившая

будто инерции, потерявшая всю волю к жизни, вдруг в одночасье стала львицей, защищающей своих детей:

– Нет, Френк! Ты не сделаешь этого! Нет! Пока я жива!

– Гляньте, нашего Френки второй раз за день бьёт баба – пьяно усмехнулся толстый Боб, икнув и взмахнув кружкой пива, словно салютуя Френку.

Тот пришел в ярость – такой позор на глазах друзей. Он попытался было отцепить от себя вопящую жену, но та, казалось, обрела сверхъестественную силу. Френк собрался, схватил ее поперек талии и отбросил от себя. Мать упала, ударившись о стену. Она тяжело дышала, пытаясь встать, но силы оставили ее...

В этот вечер отец увел бледную как мел Агнессу, перодетую в единственное чистое платье, что у нее было. Больше девочки ее не видели...

Мужчины не плачут!

Сидя у себя в кабинете Джон работал с документами. Надо сказать, что он делал это редко – для подробного у него был поверенный, но тот удачно женился на одной богатой вдове, и счастливо отбыл под крыло любимой, которая светилась от счастья, заполучив молодого и умного мужа, ещё и с пусть и небольшим, но титулом. А секретари? Они у Джона не приживались. Один перепутал все письма с ответами на приглашения, которые должен был отправить, по итогу Джону пришлось присутствовать на четырех довольно скучных вечерах, пропустив свои любимые поэтические собрания в доме известного лондонского поэта, а потом чуть ли не наставить рога престарелому маркизу – ведь его нежнейшая молодая супруга, которой Джон имел честь быть представленным на одном из балов, свято уверовала в свою неотразимость в его глазах, а также – в полное отсутствие у него моральных принципов. Эта дама послала ему записку, приглашая посетить их поместье. Записка выглядела обычным приглашением, сэр Джон даже намеренно полистал пару томиков о собаководстве – излюбленной теме супруга леди, чтобы поддерживать светский разговор. Каково же было его удивление, когда его встретила только сама леди, одетая в весьма вызывающий наряд, и в открытую предложила ему себя.

Джон уволил секретаря в тот же день. Правда, по доброте своей, выплатив ему пособие за полгода.

Другой секретарь имел склонность к лени, третий – к спиртному. Четвертый же был таким волокитой, что одна из горничных верхнего этажа забеременела от него. Благодаря посуленному Джоном приданому девушке, а также грозному взгляду местного викария, честь девушки удалось спасти, поженив пару. Надо сказать, что молодые уезжали весьма счастливыми – приданого хватило на небольшой домик в предместье города.

Больше Джон не делал попыток найти себе помощников, работая сам. Но он прекрасно понимал, что лишь оттягивает неизбежное. Он один попросту не справится со всеми обязанностями, к тому же, он обязан наносить и визиты арендаторам, и поддерживать подобие светской жизни.

Дверь в кабинет распахнулась – это вошёл его брат Джастин. Он поприветствовал брата, усевшись в кресло:

– Ну, что же, спасибо за гостеприимство. Ждём вас с Милли в Лондоне (сезон был в разгаре, и герцог с женой жили в лондонской резиденции, приехав к Джону лишь на пару недель, погостить).

– Да, конечно – Джон снял очки, устало потерпев переносицу. Глаза его слезились от перенапряжения. Столько ещё предстояло сделать, а ещё нужно было уделить внимание Милли. Девочка уже говорила отцу, что хотела бы покататься на лошади, и он обещал ей это устроить.

Джастин некоторое время внимательно смотрел на брата, затем, небрежно стряхнув пылинку со своих мускулистых, обтянутых темными брюками, ног, начал:

– Джон, неужели ты так расстроился моему отъезду? – Джастин протянул брату платок – тебе определенно нужен отдых. Я понимаю, что говорю банальщину, но чем я могу помочь?

Джон, вытирая глаза, виновато развел руками:

– Увы, мне может помочь только чудо. Само провидение сжалится надо мной и пошлет нормального секретаря, который не пьет, не увлекается женщинами, порядочен, ответственен... Но, думается мне, таковых и не существует. И я...

Но Джастин, зная наизусть тот список неудач брата с секретарями, что последует незамедлительно, взмахнул рукой, останавливая его:

– Джон, Элайна съест меня живьём, если я задержусь ещё на минуту. Моя женушка стала очень своенравной, нося ребенка. Помнишь Уильяма Герри, того юношу, что помогал тебе вызволять меня из больницы?